

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Эл Ригби

#ТЕНИ ПРИХОДЯТ С МОРЯ

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ
КНИГА I

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р49

Р49

Ригби, Эл.

Тени приходят с моря : роман / Эл Ригби. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-102200-6

Придя однажды, туман не оставил в вашем древнем замке ни живых, ни мертвых. Лишь запах крови в воздухе, сумасшедший живой корабль в бухте и две подсказки в пустом кабинете — карту и старый альбом.

Ты знаешь: лучше бежать. Прежде чем алая стража — ужас и опора мира — явится на остров. И прежде чем туман заберет последних выживших.

Твое бегство начнется со странных снов. Твоим капитаном станет последний, кого ты могла бы считать другом. И ты не зря сомневаешься, стоит ли доверять детективу, которого ищет твой брат. К чему приведет тебя странствие? Это знают лишь ветры.

Это роман о мире, где многие вещи вернее и отважнее людей, многие тропы окованы сталью, а многие маршруты начерчены кровью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102200-6

© Э. Ригби, 2017
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Разве знаешь, разве можешь
Знать,
Куда ведет дорога?
Ведь дорога — это тайна.
По дороге — неизвестность,
И в конце дороги — тайна!
(Борис Заходер.
«Почему деревья не ходят?»)*

**[ПОКА СТУЧАТ КОЛЕСА] ПЕЗД ПЯТОГО РЕГИОНА
681-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН. ВРЕМЯ ВЕТРА СНА**

За окном простиралась полоска густого хвойного леса. Она смазывалась, расплывалась в сплошную зелень; отдельные деревья можно было разглядеть, только если смотреть чуть-чуть вперед, а не прямо. Но Чара не обращала внимания на лес.

Она, сидя на корточках, вглядывалась в огонь, с удовольствием поглощавший угольки в топке, и иногда посматривала на отца, чья широкая спина маячила впереди. Даже сквозь стук колес и треск пламени Чара слышала, как шумно и смешно он пыхтит, будто

передразнивая свой любимый паровоз или подпевая ему. Вот он дернул за рычаг — и раздался гудок. Живой поезд Великан возвещал о том, что ему крайне по нраву это путешествие. Он вообще был веселый малый, легкий на подъем. Впрочем, как и на спуск.

— Чара! — Гулкий голос заставил девочку приподнять голову. — Иди поиграй. Тут в охранным вагоне есть мальчик. Он всегда с нами ездит, сын...

— Не хочу, — перебивая, буркнула она. — Я останусь с тобой. Подбросить угля?

— Не надо, — отец улыбнулся, продолжая, однако, озадаченно сдвигать густые брови. — Великану хватит, он сыт. А ты и так вся чумазая.

Чара усмехнулась и потерла ладонью щеку, понимая, что от этого станет только грязнее, и догадываясь, что тогда ее, скорее всего, не пошлют играть с Саманом Димитриёном, сыном одного из *серых*. Она ничего не имела против него, даже привыкла, что он всегда где-то поблизости, как тень, но все-таки... свои редкие часы в Галат-Доре она предпочитала проводить не в бессмысленной беготне. К тому же у Самана была своя компания, в которой Чаре и другим вроде нее не было места. Впрочем, и самому Димитриену, если подумать, тоже нечего было делать в *таком* обществе. Он, как и многие глупые мальчишки, просто обманывал себя. Ведь и он, и Чара, и все, кто прибывал из Пятого региона, были для чистого, блестящего и пестрого города невидимками. Вечными невидимками. Саману это, кажется, не нравилось, и он всячески пытался это изменить хотя бы в отношении себя. А вот Чаре было наплевать. Почти всегда.

Поэтому поездки на соседний континент, Протэйю, девочка расценивала как возможность побыть с отцом в его паровозе, у топки или у гудка. А перерывы, во время которых почтовая служба разгружала и нагружала состав, позволяли погулять по Центральному вокзалу. Послушать разговоры местных, купить пышную сладкую вафлю со сливками и помечтать о путешествии в ползучих вагончиках — маленьких подбоях поездов, сновавших по тонюсеньким рельсам через всю Первосветлейшую. Но на ползучие вагончики времени бы не хватило. Разгрузка длилась недостаточно, да и местные серые охранные все равно не выпускали тех, кого привозил Великан, за территорию вокзала. Разве что военных, в которых видели, так или иначе, своих.

Отец вздохнул и дал еще один гудок. Высоченная, длинная, заросшая мхом стена уже темнела впереди. Огромные ворота, по бокам которых высились две башни-форпоста, распахнулись. Чара подскочила к окну.

Она успела заметить мелькнувшие на укреплениях мрачные лица и привычно мазнуть взглядом по торчавшим из бойниц вороненым стволам. Граница была пройдена. Отец с дочерью как всегда облегченно выдохнули. Хотя иначе никогда не бывало, по крайней мере, на памяти Чары. Великана узнавали издали, по стройному остроносому паровозу. По искрящемуся белому дымку и большим черным колесам.

Поезд застучал быстрее и увереннее. Вагоны один за другим проскальзывали в открывшийся проем. Чара не могла этого слышать, но ей казалось, она

слышала, с каким лязгом снова сомкнулись створки. Дом остался позади. Но дом ждал.

Лес поредел, заснеженные рощи и равнины пропали из виду, и вскоре за окном показалось ласковое незамерзающее море, вдоль которого витками тянулись полузатопленные пляжи. Пока они были еще совсем пустынными, но Чара знала: вскоре пейзаж преобразится. Заброшенное, глухое туловище континента перейдет в гибкий изящный Перешеек, обрастет поселками и городками. Пятый регион (именно так, жители его давно уже не употребляли названия Вэспа) заканчивался прямо у ворот, рельсы теперь пролегали совсем близко от воды, соленый и пряный запах которой щекотал ноздри. Веспинский живой поезд по имени Великан, везущий сегодня груз руды, немного почты и четыре вагона древесины, помчался быстрее.

Больше Чара уже не отрывалась от окна, забыв об огне. Ей нравились высокие стены, тонкие башенки, нависшие над каменной кладкой густые ягодные кусты. Дбма во время ветра Сна все казалось пронизывающе холодным и голым, здесь же, на Перешейке, — прекрасным. Неповторимым и невероятным.

Чара сидела тихонько, и чем симпатичнее становились проезжаемые городки, тем мрачнее делалось ее молчание. Она кусала губы, сжимала до побеления костяшек кулаки. Чара завидовала каждому, кто мог празднично смотреть из окна и видеть этот поезд, везущий что-то для Большого мира. Поезд, полный невидимок. Невидимый поезд из невидимого региона. Поезд-слугу. А это уже невозможно было не замечать. На улице светало.

Чара вроде не хотела спать, но все же задремала, с ногами забравшись на маленький тюфячок в углу. Отец держал его специально для таких поездок, зная, что ему не удастся отговорить от них дочь. Казалось, даже колеса застучали глуше. Великан старался не шуметь.

Мужчина, слышавший его ровное дыхание не хуже, чем дыхание дочери, тихо спросил:

— Можно?

— Конечно. Нужно! — ответил ему глубокий голос из ниоткуда.

Чэпмэн Деллависсо отступил от приборной панели. Поезд теперь ехал сам. Мужчина подошел к тюфяку и укрыл дочь своим плащом. Он обратил внимание на выражение тонкого бледного личика, и во сне хранившего след замкнутости и злости.

— Когда-нибудь мы все исправим, Чара, — мягко прошептал он и, постояв над ней еще немного, вернулся на место машиниста. — Благодарю, Великан.

Чару снова разбудил гудок. Он был громче и короче предыдущих и возвещал скорое прибытие. Девочка протерла глаза, села. Даже отсюда она отчетливо видела в окне чудесные здания с треугольными крышами. Бежевые, золотистые, малиновые стены, балкончики, мансарды. Чужие... и привычные.

— Почему... — начала она. Отец устало обернулся. — Неважно.

Она уже знала, почему ее единственный шанс посмотреть на этот город — отправиться в путь с отцом. И почему у большей части жителей Пятого региона нет и такой возможности. Это знали все или почти

все, некоторые даже не интересовались. Но каждый раз, когда приветливый чистый Галат-Дор вставал перед ней, маня издалека, как лакомство в пестрой обертке, она все же задавала вопрос. И тут же осекалась.

— Купить тебе вафлю, пока я буду бродить? — Чара старательно улыбнулась. — Ты ведь не пойдешь.

— Купи, — вздохнул отец, подкручивая ус перемазанным в золе пальцем. — Не пойду.

Прогулка вместе с отцом тоже была ее мечтой. Но еще менее достижимой, чем поездка в ползучих вагончиках. Отец всегда был занят на разгрузке, или заполнял документы, или пил с другими машинистами, обмениваясь попутно новостями.

— Ага, — отозвалась она. — Возьму две.

Поезд дал последний гудок и начал замедлять ход. Чара потянулась, оглядывая высокие, с массивными колоннами флигели Центрального вокзала. В поле ее зрения привычно попала синевато-серая птица на вывеске над крайним корпусом, а также длинная надпись: «Почтовая служба “Такара”».

«Вот я и дома», — тоскливо подумала девочка. В чужом доме, который она иногда позволяет себе считать своим.

На платформе стояли двое тощих, но очень хорошо одетых мальчишек с длинными черными волосами. Это были сыновья хозяина почтовой службы; Чара так и не запомнила их имен и не научилась их различать. Они не переминались с ноги на ногу, не дрались, вели себя очень чинно, как ученые зверьки. Поблизости крупная собака золотисто-рыжего цвета гонялась за собственным хвостом.

Поезд остановился рядом с ними, издав дружеское ворчание и пустив дымок. Собака взвизгнула и отбежала, мальчики чуть отошли, глядя на вагоны: один выжидающе, второй — с некоторой скукой. Чара знала, кого они тут высматривают. Она, как всегда, не ошиблась.

Из второго вагона начали выходить люди в невзрачных черно-серых мундирах, с винтовками за плечами. Охранные были оживлены, предвкушали прогулку по чужому городу и радовались тому, что путь прошел гладко: без нападений *ассинтаров*, дорожных разбойников. Слышались приглушенные голоса, смешки, чеканный стук сапог. Чара бездумно уперлась взглядом в чью-то нашивку на рукаве — знак Веспы. Цифру «5», начертание которой чем-то напоминало сломанную стрелу.

Люди в таких же мундирах, но с «семерками» на рукавах, ждавшие поодаль от мальчиков, приветствовали их — дружелюбно, хотя и немного настороженно — как и обычно. Свои ждали своих. Серая толпа смешалась и загомонила.

Почти сразу от солдат отделился мальчик — Саман — коренастый, смуглый, с бесцветными короткими волосами. К нему с гиканьем бросился один из близнецов и подбежала собака. Второй тоже подошел, и, подражая взрослым, оба парнишки серьезно пожали прибывшему руку. Чара фыркнула. За спиной отец отключал системы Великана и тихо, ласково советовал ему хорошенько передохнуть.

Чара ждала и от скуки смотрела на мальчишек. Первый из близнецов уже всю болтал с гостем. Судя по горевшим от любопытства глазам, он в ко-

торый раз расспрашивал, каково это — быть сыном человека с оружием, видеть много других вооруженных людей, а иногда вместе с ними даже отбиваться от разбойников. И не напал ли кто сегодня?

Вероятно, для этого ухоженного чистюли оборванец из Пятого региона был каким-то диковинным существом. И наоборот: для Самана друг, живущий за пределами Веспы, — особенный. Хотя бы потому, что может поехать куда угодно и когда угодно. Большой мир так огромен... жаль, для Чары и Самана он ограничивается одним континентом и железной дорогой.

Второй близнец почти не поддерживал разговор и больше осматривался. Его скучающий взгляд скользил по лицам военных, потом по колесам поезда, все выше... и вот мальчик уже посмотрел на прижавшуюся носом к стеклу девочку. Молча. Пристально. Он заметил ее впервые — обычно она, видимо, ускользала раньше, чем ему окончательно надоело изображать заинтересованность в беседе с приятелем брата.

Глаза у него оказались светло-голубые, ресницы — девчачьи, и по-девчачьи тонкими были брови. Чара показала ему язык и отпрянула в сторону.

— Поторопись, если хочешь погулять, сегодня вряд ли будет много почты. — Отец рассеянно оглядел серую толпу. — Скоро назад. Береги себя, милая.

Чара кивнула и, быстро причесавшись и вытерев лицо платком, выскользнула из поезда. Как обычно, с самой верхней ступеньки она ловко спрыгнула на противоположную от основной платформу. Она надеялась, что там никого не будет, но ошиблась. Мальчик

с голубыми глазами, видимо, перескочивший путь по рельсам, стоял в паре шагов и ждал. Вид у него был очень наглый.

Чара молча выпрямилась, услышав, как отец за спиной захлопнул дверцу. Великан окончательно затих, отходя ко сну. Отступление стало невозможным.

— Привет! Кто ты? И почему ты такая перепачканная?

Мальчик бесцеремонно протянул руку и попытался стереть золу с ее щеки. Чара вспыхнула и отскочила, ударив его по пальцам:

— Потому что. Отстань.

Он сын большого человека. Только поэтому она не ударила сильнее. Но и тратить свое драгоценное время на болтовню с ним Чара не собиралась. Девочка глядела хмуро, исподлобья:

— Держись от меня подальше.

— Ты злая какая-то...

Мальчик приветливо улыбнулся и пожал плечами. Он казался таким чистеньким, что Чара с горечью, почти с отвращением прошипела:

— Поживи там, где я.

И, развернувшись, быстро-быстро побежала к ближайшему входу. Вокзал — целый город в городе, с множеством лавочек, трактиров, крошечных садиков. Здесь можно поесть, погулять, посмотреть из больших залов ожидания на Галат-Дор, подняться на крышу. Жаль, отсюда не сбежать: ворота сторожат. Но зато...

...тут очень легко потеряться.

Мальчик побежал за ней.

**693-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН.
ВРЕМЯ ВЕТРА ПРОБУЖДЕНИЯ**

Лес за окном казался призрачным, вытянутым вверх, легким. Он весь будто бы светился. Чара вглядывалась в него, нетерпеливо ожидая форпост. Она старалась держаться подальше от топки, чтобы не запачкать свою новую темно-малиновую юбку с отороченным мехом длинным подолом. Этот подол она разглаживала на коленях, собираясь пристегнуть в городе.

— Прибавить? — Отец посмотрел на нее.

Наверное, она казалась ему очень симпатичной, но, главное, он мог радоваться, что она улыбается. Радоваться и меньше волноваться за их ближайшее будущее. Только бы все получилось. Пусть это и всего лишь *репетиция*.

Чара приблизилась к нему, а затем немного сжала его запястье:

— Не надо. Скорость ничего не изменит.

Они переглянулись. Кабина паровоза вся задрожала, и Чара успокаивающе положила ладонь на краешек приборной панели:

— Не бойся, мой хороший. Не бойся.

Чара уже отчетливо видела впереди ворота и башни. Ближе и ближе. Ближе и ближе. Вороненые стволы, мрачные лица. Паровоз дал приветственный гудок. Сердце застучало. Раз. Два...

Ей показалось, что мгновение длилось вечно. Но на самом деле ворота уже раскрывались. И наконец распахнулись, пропуская поезд вперед. Вагон за вагоном, вагон за вагоном через узкий проем, прочь из Пятого... нет, прочь с Веспы, потому что скоро это

название снова будут произносить без страха и стыда. Чара улыбалась. Все шире и шире. И она снова, казалось, услышала, как закрылись створки за последним вагоном.

— Получилось... — прошептал отец. — Невероятно. Они не догадались...

— Ну это же мы. — Чара посмотрела в окно. — Как же иначе.

И они заплатят за это. Ох, как же они вскоре заплатят, красные твари.

Они замолчали. Отец повернулся спиной, а Чара все не отрывала взгляда от длинных равнин, поросших молодой травой и бледными хрупкими цветами. Ветры Пробуждения не успели напитать каждую травинку силой, а только подняли из земли. Не успели нашептать тайн жизни и тайн смерти. Все только начиналось. И Чара Деллависсо верила, что все только начинается и для нее тоже. Она не видела ничего плохого в том, чтобы быть такой же — только чуть более крепкой — травинкой.

— Теперь у нас получится, — произнесла она. — Однажды получится.

Отец не ответил.

Вскоре Чара задремала у окна: ночью она не могла позволить себе поспать хотя бы час. Отец подошел и провел рукой по ее длинным густым волосам. Чара выросла. Стала очень красивой. И, наверное, лучше было отдать ее хорошему мужчине с Веспы, чем раз за разом брать в Галат-Дор и позволять делать то, что она задумала. Нет. Что *они* задумали.

— Ты не подведешь нас? — задал он вопрос в пустоту.